

Георгий Сфрандзи и ряд других), во втором — агиографические памятники (прежде всего легенда о Дионисии Ареопагите и его культ во Франции) и в третьем — отдельные вопросы политической, культурной и административной истории Византии в XIV в. Книга содержит список трудов Ленертца и указатели — именной и предметный.

Сборник статей Г. А. Острогорского (G. Ostrogorsky. Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973) построен по образцу изданий серии «Вариорум репринтс» — статьи также воспроизводятся репринтным способом с той только разницей, что в книге осуществлена единая пагинация. Лишь одна статья — «Возвышение рода Ангелов» — печатается заново — в немецком переводе, а не в русском оригинале.

Работы Острогорского затрагивают широкий круг вопросов, главным образом, по социально-экономической и административной истории Византии и служат важным обоснованием его концепции, положенной в основу «Истории Византийского государства».

К сожалению, в сборнике отсутствуют как индекс, так и список трудов автора.

Так как, по всей видимости, жанр сборника малых форм будет все более развиваться, не следует ли подумать об известной его унификации? Сравнение нескольких сборников позволяет видеть, что далеко не повсюду мы можем встретить необходимые элементы, к которым относятся: 1) четкое (в оглавлении) указание места и времени первой публикации, 2) единая пагинация (может быть, при сохранении (в скобках?) первоначальной пагинации), 3) именной и предметный указатели, а в некоторых случаях — указатель рукописей, 4) список трудов автора. Более сложный вопрос о дополнительных замечаниях: мне кажется, что указание на новую литературу и на дискуссионность тех или иных положений воспроизводимой работы (как это сделано в болгарских изданиях) тоже принесло бы пользу читателю; такие дополнения ни в коей мере не могут считаться обидными для автора статей сборника.

А. К.

St. Runciman. The Last Byzantine Renaissance. Cambridge. University Press, 1970, IX+412 p.

Маленькая книжка С. Рэнсимена — четыре лекции, прочитанные в Белфасте в 1968 г. По своему характеру книга — скорее популяризация достигнутого наукой в изучении византийского «возрождения» XIII—XV вв., нежели изложение собственных исследовательских результатов. Автор, пожалуй, охотнее ссылается на общие труды типа «Истории византийской литературы» К. Крумбаха (в сокращенных списках очень не по-немецки именуемой «Byzantinischen Litteratur» — стр. 17, 72, 75 и др.) или «Введение в историю науки» Дж. Сартона, чем на источники. И вместе с тем прочитанные одним из самых больших специалистов по истории и культуре Византии лекции показательны как итог того, что сегодня сделано в этой области, и, я бы даже сказал, того, как печально мало в ней сделано.

Первая лекция — вводная, она посвящена упадку империи и возрождению эллинизма, и автор очень остро начинает ее с бросающейся в глаза противоположности между политическим упадком Византии в XIV—XV вв. и интенсивной интеллектуальной жизнью эпохи политического декаданса. Социальная сторона исторического процесса игнорируется; более того, Рэнсимен недоброжелательно отзывается о стремлении Г. А. Острогорского выяснить социальные корни политической борьбы XIV в. (стр. 11, прим. 1) и полемизирует с «чрезмерным упрощением» тех (не названных) ученых, которые видят в гражданской войне Иоанна Кантакузина и Анны Савойской столкновение «земельных магнатов и городского пролетариата» (стр. 12); думаю, что в последнем случае английский византист ополчается на им же созданного противника: во всяком случае, в последних серьезных работах о гражданской войне второй четверти XIV в. (я имею в виду книги Г. Вайса и К. П. Мачке: см. рецензии в ВВ, 34, 1973, стр. 293—296; 35, 1973, стр. 270—272) нет ничего похожего на формулу Рэнсимена.

Решение противоречия Рэнсимен ищет в возрождении слова «эллин», чему положил начало Николай Кавасила в Солуни (стр. 20). Я цитирую: «Революционное возрождение слова «эллин» дает ключ к природе последнего византийского ренессанса. Он был греческим, эллинским» (стр. 22). Итак, по Рэнсимену, не социальные сдвиги, а осознание своего эллинского прошлого явилось основой культурного подъема XIV—XV вв. При этом Рэнсимен включает в эллинский ренессанс и Никейскую империю: Никифор Влеммид (стр. 55 сл.), Феодор II Ласкарь (стр. 57) находят себе место в пантеоне последнего византийского ренессанса. Однако хорошо известно, что авторы XIII в. употребляли этникон «эллин» в традиционном значении «язычник» и поддерживали идею «ромейского» континуитета, что, по мысли И. Ирмшера, дало Никейской империи силу в борьбе с феодальной децентрализацией осуществить реставрацию Византии¹. Если следовать принципу Рэнсимена, XIII столетие, во всяком случае, должно остаться за рамками последнего ренессанса. Впрочем, только ли XIII сто-

¹ J. Irmscher. Nikäa als Mittelpunkt des griechischen Patriotismus.—«Byz. Forsch.», 4, 1972, S. 125, 136 f.

летие? Изучение римского права в Солуни XIV в. (это явление не затронуто Рэнсименом) или создание Григорой «Ромейской истории» (середина XIV в.), в которой Византия трактуется как ἡγεμονία (или ἐπικρατία) ромеев и где Сципион, Брут, Август, Адриан выступают такими же образцами поведения, как и герои древней Греции, — эти (и многие иные) факты не объяснимы с помощью «эллинского ключа».

Во второй лекции Рэнсимен стремится показать, что Византия не знала «партий» (кроме религиозных) и что греки были слишком большими индивидуалистами, чтобы осуществлять «партийную политику». В соответствии с этим гражданская война второй четверти XIV в. расценивается как борьба «молодого поколения» против старого и некомпетентного императора (стр. 27), а восстание зилотов — как «местное националистическое движение» (стр. 28). В связи с этим Рэнсимен указывает на то, что в XIII—XIV вв. три главных противоречия, волновавших образованное общество (соотношение античной науки и христианства, отношение к западной церкви и отношение к мистицизму), не приводили к непреодолимой враждебности: «В этих контроверзах отдельный греческий ученый искренне следовал индивидуальным путем. Он мог принадлежать к группировке (faction), но никогда — к партии» (стр. 48; ср. стр. 84).

Интересное наблюдение, что индивидуализм составлял существенную черту социальной психологии византийцев, думается мне, абсолютизировано Рэнсименом. Конечно, социальные связи в Византии были более «рыхлыми», чем на Западе, но они существовали: и в форме ремесленных коллегий и сельских общин, и в форме этерий знати или кружков интеллектуалов. В полемике Паламы и Григоры отчетливо выступают «школы», и многие ученики и приверженцы опальных идеологов не боялись разделить их судьбу. Поэтому и разница в развитии византийской и западной гетеродоксии была не столь принципиальной, как думает Рэнсимен (стр. 32 и сл.): если бы он не ограничился Иоанном Италом, но рассмотрел бы также «дела» Евстратия Никейского и Сотриха, это обстоятельство поступило бы яснее.

Третью лекцию — об ученых XIII—XV вв. — Рэнсимен начинает с остроумного наблюдения над тем, что византийские деятели возрождения при всей их полиматии никогда не были художниками или скульпторами, и объясняет это тем, что византийское общество видело в художниках простых ремесленников (стр. 49—52). Может быть, в XIII в. положение начинает меняться: так, Пахимер специально упоминает монаха Руху, человека ловкого в строительном деле, которого Михаил послал в Константинополь отстраивать на царские деньги поврежденную церковь (I, p. 172 sq.). Этот Руха, в глазах Пахимера, во всяком случае, — не простой ремесленник.

Основную часть лекции составляет список (с подробными биографическими данными) виднейших ученых — от Никифора Влеммида до Марка Евгеника. Однако поскольку в 1-й гл. Рэнсимен отверг социальные критерии, а во 2-й гл. — принцип партийной принадлежности, составленный им список лишен системы, а сообщаемые им сведения подчас случайны. Скажем, почему для характеристики Симеона Солунского как деятеля ренессанса так важно, что его любили не только греки, но также итальянцы и евреи (стр. 74)?

А ведь такой список мог бы стать объектом плодотворных социологических изысканий! Первый опыт подобных изысканий представлен докладом И. И. Шевченко на XIV Византиноведческом конгрессе, в частности, подсчитано, что 45% деятелей культуры XIV в. были светскими людьми², тогда как, по Рэнсимену (стр. 60), почти все они были вовлечены в церковную организацию.

Другая беда списка Рэнсимена, опять-таки вытекающая из теоретических предпосылок, заключается в унификации византийских ученых. К примеру, сказанное там о Пахимере (стр. 59) и Григоре (стр. 69—70), не дает оснований отличить их друг от друга, тогда как на самом деле оба историка-современника противостоят друг другу и по художественной манере, и по философии истории. Наоборот, в другой лекции (стр. 95) Рэнсимен выделяет как «интересные» взгляды Григоры на историю как наставку человечества — то, что Р. Гийан (на которого Рэнсимен ссылается в этой связи) назвал «банальными общими местами».

В этой лекции Рэнсимен постоянно говорит об университете, о патриаршей академии (стр. 55 и др.). Но можно ли быть уверенным, что эти учреждения существовали в XIV—XV вв.? Скорее центрами обучения были в ту пору частные и монастырские школы, иногда получавшие государственные дотации. Во всяком случае, ничего подобного западным университетам поздняя Византия не знала.

Последняя лекция задумана очень интересно. Автор ставит вопрос о реальном результате «последнего ренессанса» и приходит к довольно пессимистическому выводу: поздневизантийские ученые не оставили наследства (стр. 97). Впрочем, в какой мере справедливо оценивать ту или иную культуру прошлого с позиций ее наследников? Сколь незначительными оказались бы в таком случае египетская или хеттская цивилизации. Вопрос, мне кажется, должен быть поставлен иначе: какие новые черты выступают в культуре этой эпохи? И тут надо спросить себя, что понимать под культурой.

В самом деле, Рэнсимен говорит преимущественно о естественных науках, об области, в которую византийцы внесли немного (за исключением, пожалуй, медицины и

² I. Sevčenko. Society and Intellectual Life in the XIVth Century. — «XIVe Congrès Internationale d'études Byzantines». Rapports, I. Bucarest, 1971, p. 11.

фармакопии). Иное дело — гуманитарные науки. Здесь Триклиний несомненно подготовил деятельность гуманистов — издателей XV в. Об истории Рэнсимен не говорит ничего, хотя именно в сфере философии истории в XV в. происходили серьезные перемены. Ничего не сказано и о художественной литературе, в том числе и о таком явлении, как развитие литературы на народном языке, о романе-сказке и пр.

Но ренессанс коснулся не только творчества — он затронул и идеал поведения. Пахимер повествует об Иосифе Галисийце, константинопольском патриархе (I, p. 304): странно (*τὸ δὲ ξέρον*), что этот человек, соблюдая монашеский образ жизни (бодрствование, посты и т. п.), живя в простоте и правдолюбии, вместе с тем не пренебрегал и «человеческой добродетелью» (*τῆς κατ' ἀνθρώπων ἀρετῆς*), т. е. *humanitas*, а именно любил встречаться с людьми, беседовать, смеяться, устраивать обильные застолья. Пахимеру это странно, как странно ему и поведение адрианопольского митрополита Варлаама-Василия, желавшего стать полководцем (I, p. 302), — а ведь все это тенденции к созданию нового поведенческого образца.

Книга Рэнсимена хорошо написана, в ней много острых, подчас парадоксальных формулировок. Ее читаешь с удовольствием. К сожалению, в ней время от времени попадаются обмолвки (стр. 167, прим. 2: Лексикон Свида, стр. 17 и др.: Михаил Акоминат; стр. 52 и др.: Григорий Хониад, вм. Хиониад, стр. 81: Марк Евгенки родился «около 1292 г.»). Она, во всяком случае, показывает, насколько настоятельно нужно новое исследование о так называемом последнем византийском ренессансе.

А. К.

J. Laurent. Etudes d'histoire arménienne. Louvain, 1971 p. 175 (Bibliothèque arménienne de la Fondation Galouste Gulbenkian)

Жозеф Лоран известен в первую очередь как автор монографий «Византия и тюрки-сельджуки» и «Армения между Византией и исламом»¹. В биографической заметке Г. Берберян (он же составитель сборника и библиографии работ Лорана) пишет: Ж. Лоран родился 2 ноября 1870 г. в Бар-ле-Дюке (Мёз), учился в местном лицее, затем в лицее «Генрих IV» в Париже. В 1895 г. Лоран стал членом Ecole Française в Афинах, с 1899 по 1938 гг. преподавал в Нанси. Ему довелось объездить Грецию, Болгарию, европейскую и частично азиатскую Турцию. Лоран умер в Аркашоне 1 июня 1955 г.

Рецензируемый сборник содержит статьи Лорана, опубликованные в периодической прессе в 1920—1932 гг. Сборник открывается статьей «Средневековые истоки армянского вопроса». Это очерк политических отношений между армянами, с одной стороны, арабами, Византией, сельджуками, крестоносцами — с другой. Лоран характеризует условия, когда Армения становилась жертвой действий иноземных завоевателей. Эти обстоятельства вынуждали армян покидать родину и искать пристанища на чужбине.

Статья «Армянский феодал IX в.: Гургэн Арцруни, сын Абу-Белджа» содержит живую характеристику лица, обозначенного в заглавии. Сведения о нем содержатся в известной «Истории Арцрунидов» Фомы Арцруни. На протяжении всей своей жизни Гургэну Арцруни приходилось менять ориентацию; он служил арабам и Византии и восставал против них, искал союза с армянскими князьями, добивался высших должностей и вслед за этим становился жертвой преследований. Гургэн Арцруни жил в эпоху, когда в Армении начали создаваться предпосылки для восстановления собственной государственности. Его биография отразила характерные черты этой сложной, насыщенной политической борьбой эпохи. Лоран дает нечто вроде литературного портрета своего героя, жизнь которого прошла в приключениях и опасностях.

В статье «Армяне Киликии: Аспьет, Ошин, Урсин» Лоран анализирует источники, относящиеся к носителям этих имен, и приходит к выводу, что они — разные лица. Встречающееся в литературе утверждение, что все три имени принадлежат одному и тому же лицу, не соответствует действительности.

В статье «От греков до крестоносцев» дана подробная история Эдессы с 1071 по 1098 г., когда город был занят крестоносцами. За это время в Эдессе сменилось множество правителей, но только с утверждением франков город утратил свою автономию. В специальном разделе (стр. 121—128) Лоран сводит воедино данные, характеризующие внутреннюю организацию Эдессы в последней четверти XI в. Статья написана на основе многочисленных источников как восточного, так и западного происхождения и продолжает служить хорошим справочником для изучения политической истории Эдессы в названный период.

В статье «Крестоносцы и Армения» обрисована роль Киликийской Армении в продвижении крестоносцев на востоке. С одной стороны, утверждает Лоран, можно наблюдать ненависть армян к крестоносцам и взаимное полное непонимание, с другой стороны, армяне и крестоносцы способны уживаться друг с другом и сотрудничать

¹ J. Laurent. Byzance et les Turcs Seldjoucides en Asie occidentale jusqu'en 1081. Nancy, 1914; *idem*. Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886. Paris. 1919. М. Канар подготавливает новое издание этой книги.